

- «ЗАВЕЩАНИЕ АВВАКУМА»** (1879)
- «ОХОТА НА ЦАРЯ»** (1880)
- «МЕЖДУ АМУРОМ И НЕВОЙ»** (1883,
в следующих изданиях — «„ДЕМОН“ ПРЕСТУПНОГО МИРА»
И «РОКОВЫЕ ЧИСЛА»)
- «ХРОНИКИ СЫСКА»** (1876—1881)
- «ВЫСТРЕЛ НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ»** (1883)
- «ПУЛЯ С КАВКАЗА»** (1885)
- «ДЕЛО ВАРНАВИНСКОГО МАНЬЯКА»** (1886)
- «ВАРШАВСКИЕ ТАЙНЫ»** (1887)
- «МЁРТВЫЙ ОСТРОВ»** (1889)
- «УБИЙСТВО ЦЕРЕМОНИЙМЕЙСТЕРА»** (1892)
- «МОСКОВСКИЙ АПОКАЛИПСИС»** (1812)
- «ТУРКЕСТАН»** (1894)
- «УДАР В СЕРДЦЕ»** (сборник, 1877—1916)
- «НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ»** (сборник,
повести «ПОСЛЕДНЯЯ ВЫСТАВКА»
и «НОЧНЫЕ ВСАДНИКИ», 1896; повесть и сборник
издавались также под названием «ТЁМНЫЕ ВСАДНИКИ»)
- «ДОЗНАНИЕ В РИГЕ»** (1898)
- «КАСЬЯНОВ ГОД»** (1900)
- «ЛУЧИ СМЕРТИ»** (1903)
- «ТИФЛИС 1904»** (1904)
- «БАНДА КОЛЬКИ-КУНА»** (1905)
- «ПО ОСТЫВШИМ СЛЕДАМ»** (1906)
- «ФАРТОВЫЙ ГОРОД»** (1907)
- «УЗЕЛ»** (1907)
- «СЛУЧАЙ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ»** (1907)
- «ОДЕССКИЙ ЛИСТОК СООБЩАЕТ»** (1909)
- «СТОЛИЦА БЕГЛЫХ»** (1909)
- «ВОСЬМОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО»** (1910)
- «КУБАНСКИЙ ОГОНЬ»** (1911)
- «ВЗАПЕРТИ»** (1911)
- «ПАУТИНА»** (1912)

Н И К О Л А Й
СВЕЧИН

ХРОНИКИ
СЫСКА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Художественное оформление *Алексея Дурасова*

В оформлении переплета использовано фото
из архива автора

Свечин, Николай.
С24 Хроники сыска / Николай Свечин. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-164652-3

«Хроники сыска» — сборник из семи детективных новелл, действие которых происходит параллельно действию романов Николая Свечина «Завещание мятежного Аввакума» и «Охота на царя». Бесстрашный сыщик нижегородской полиции Алексей Лыков и его друг и коллега статский советник Павел Благово расследуют дела — одно запутанней другого: о банде конокрадов, о деревне душеителей, об убийстве гимназиста, о таинственном кладе Емельяна Пугачева, об отравлении купца ядовитыми перепелами и также — об убийстве аптекаря-наркоторговца.

Стильный захватывающий детектив — в лучших традициях ретро-жанра!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164652-3

© Свечин Н., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ВОХРА

Помощник начальника Нижегородской сыскной полиции коллежский асессор Благово громко чертыхнулся. Опять разгромили квартиру! И опять с забеленными окнами. Каждую весну в «Полицейских ведомостях» печатается предупреждение обывателям: не закрашивайте стекла, когда переезжаете на дачу! Поставьте чехлы на мебель, повесьте плотные занавеси, если вам жалко обои, но не белите окна. Все напрасно. И когда шниферы — грабители квартир — прогуливаются по улицам в поисках добычи, по этим приметам они легко обнаруживают помещения, безопасные для взлома.

Ограбленная квартира принадлежала отставному ротмистру Галахову и находилась во втором этаже дома графини Паниной на Рождественской улице. Взлом сегодня утром обнаружил кухонный мужик и сразу сообщил в часть. Пристав отправил городского за Галаховым, который неделю назад переехал с дочерью (он был вдов) на все лето в Козино. Без него протокол пропавших вещей не составить, поэтому и сам Благово остался до поры в управлении. Послал только агента, чтобы опросил покуда дворника и соседей, а сам раскрыл «Журнал происшествий». Вывел красивым почерком сегодняшнюю дату: «8 мая 1876 года» — и больше ничего написать не успел. Дверь в его кабинет резко распахнулась, вбежал сыскной надзиратель Макарьевской части Здобнов и выдохнул:

— Беда, Павел Афанасьич! Убийство.

Коллежский ассессор молча стукнул себя кулаком по колену, схватил фуражку с кокардой и выбежал вслед за надзирателем на улицу. Уселся в полицейскую пролетку, с места рванули в карьер; Здобнов тут же принялся рассказывать:

— Меньше часа назад случилось, прямо, как говорится, среди бела дня. Извозчик Быткин, из кунавинских мещан. Стоял у вокзала на бирже. Лошадь купил неделю назад... Вышел с Гребневской пристани зажиточный мужик, стал было нанимать его в Сормово — да вдруг как схватит лошадь под уздцы и давай кричать! Это, мол, его буланка, которую десять ден назад у него прямо из стойла свели. Быткин ругаться и грозить, а тот не отпускает и городского кличет. Народ, понятно, заинтересовался; зеваки собрались. А когда городской к ним уже подходил, Быткин вдруг охнул и назад повалился. Никто ничего не понял сначала, а как подняли возницу — у него нож в спине! Закричали «лови!», а ловить-то некого: тот человек, что нож сунул, уж до пакгаузов добежал и там скрылся. Однако успели его рассмотреть.

— Ну?

— В общем, офеня это, Павел Афанасьевич.

— Офеня?

Сыщики понимающе переглянулись и дальше ехали уже молча.

Коллежский ассессор Благово был видный мужчина в годах между сорока и сорока пятью. Седые волосы эффектно обрамляли высокий лоб; черные усы с сильной проседью, породистое лицо и умные, все замечающие глаза дополняли его облик. В молодости Павел Афанасьевич служил морским офицером и сохранил от той поры подтянутость и строгое щегольство в платье. Уже

восемь лет Благово служил в уголовном сыске, прошел путь от простого надзирателя до помощника начальника сыскного отделения. Выше ему хода не было, хотя по способностям и опыту он был достоин и более высокого поста. Но отделение возглавлял зять губернатора Кутайсова Васенька Лукашевич, лентяй и заядлый картежник, исполнявший служебные обязанности не выходя из дому. Месяцев по восемь в году Васенька лечился неведомо от чего на немецких курортах, преимущественно там, где были казино. В эти счастливые месяцы Павел Афанасьевич руководил сыском самолично и был на хорошем счету у министра внутренних дел. Остальное время ему приходилось играть роль подчиненного, что угнетало его и мешало делу. Сейчас была именно такая пора: Лукашевич уедет только в начале июня. А тут это убийство!

Иван Иванович Здобнов, пятидесятилетний сыщик, опытный и неглупый человек, хорошо знал своего начальника. Догадывался он и о сложности предстоящего им расследования. Офени — закрытое сообщество, занимающееся отнюдь не только торговлей в разнос. Доступ посторонних в это полупреступное сословие невозможен, своих они не выдают. Найти убийцу составит большого труда...

Приехав на биржу Московского вокзала, сыщики тотчас же по толпе зевак отыскали коляску зарезанного извозчика. Забрали мужика — тот все никак не хотел отпустить вожжи — и поехали в Главный ярмарочный дом, где размещалась Макарьевская часть. Труп к этому времени уже доставили в прозекторскую, и полицейский врач Милотворский начал производить вскрытие.

На допросе Мефодий Петров Кислухин, крестьянин села Кусторка Тумботинской волости Горбатовского уезда, показал, что узнал свою буланку тотчас же, как подо-

шел к коляске. Лошадь тоже учуяла хозяина и радостно заржала. Кислухин купил кобылу четыре года назад, назвал Ласточкой и весьма дорожил ею, как вдруг десять дней назад в недобрую ночь ее свели со двора. Он подал заявление исправнику, сам обошел округу на тридцать верст, пытался уговорить тумботинских конокрадов — есть там известное полиции семейство Цаловых, которое уже лет восемьдесят занимается этим скверным ремеслом. Но Цаловы только посмеялись... А тут такая удача — нашлась его Ласточка! В подтверждение своих слов крестьянин указал приметы кобылы, которые при осмотре подтвердились: большой жировик под левой ганашей¹ и незаживающее раздражение на венчиках всех ног от копытной мази.

На вопрос, видел ли он убийцу и то, как он нанес удар, Кислухин ответил отрицательно. Извозчик вдруг посреди ругани охнул, как раз когда уже к ним подходил городской, и изумленно оглянулся назад. И повалился в коляску... Мелькнул только картуз и кудри под ним; какой-то человек быстро-быстро удалялся, не оглядываясь, потом побежал. Догонять его охотников не нашлось, да и не успели бы: до пакгаузов всего полсотни сажений, а там, как в лесу, — ищи ветра в поле. Но люди, видевшие больше, сказали Кислухину, что парень тот был точно офеня: кубовая рубаха, поддевка с искрой, сапоги бутылками. Под коляской городской обнаружил брошенные им три перевязанных пакета с басонами².

— Знамо дело, они заодно, — убежденно подытожил крестьянин. — Офени да конокрады завсегда об руку ходят: одне наводят, другие воруют. Экий подлый народ! Я так думаю, вашебродие, што концы он прятал, свидетеля резал.

¹ Ганаша — скула у основания нижней челюсти лошади.

² Басоны — тесьма, галунный товар.

— Из-за какой-то кобылы средь бела дня на убийство пойти? Двенадцать лет каторги. А Ласточке твоей красная цена сто рублей. Что-то, борода, одно с другим не вяжется; не бывает такого.

— Всяко бывает! — стоял на своем Кислухин.

Благово оставил его пока при части, распорядившись выяснить через телеграф, есть ли у горбатовского исправника заявление о покраже лошади. Здобнова он отправил на квартиру к убитому, сделать обыск и собрать сведения у соседей и в участке. Сам же вернулся в управление — необходимо было известить о неприятном происшествии Лукашевича и полицмейстера Каргера.

В два часа пополудни в огромном кабинете полицмейстера состоялось совещание. В окна гляделись великолепные заволжские дали, от Часовой башни уступом спускалась к реке белая стена кремля, из майской зелени весело выглядывал одинокий купол Симеона Столпника. Но полиции было не до красот. Более всех ярился Васенька — подняли с дивана, заставили прийти в службу, звери! Каргеру тоже нераскрытое убийство было ни к чему. Как обычно убивают в Нижнем Новгороде? Так же, как и везде в России: повздорят двое за шкаликом, один другого хватить топором!.. И в участок с повинной. Вот труп, вот убийца, вот мотив. Или жена отравит шнейфуртской зеленью мужа, что ее, несчастную, двадцать лет кряду смертным боем бьет, как напьется... Тоже никакой загадки. А тут средь бела дня зарезали извозчика, и убивец скрылся. Кто? За что? Поди уж и губернатору доложили...

Николай Густавович Каргер пришел в полицию из лесничих. Усердный служака, как и положено немцу. Честен — взятки не берет. Служить под его началом Благово было одно удовольствие: хотя полицмейстер и не смыслил ничего в сыске, но коллежскому асессору до-

верял, уважал его и поддерживал. Приходилось Каргеру выгораживать его и перед Кутайсовым. Нижегородский губернатор приходился внуком любимому брадобрею Павла Первого, произведенному им за сие высокое искусство в графы Российской империи. Поверхностный и легкомысленный, Павел Ипполитович Кутайсов терпел столбового дворянина Благово только из необходимости. Должен же кто-то нести службу заместо его зятя...

— Ну, что там у вас, господа сыщики? — спросил полицмейстер.

Лукашевич молча взглянул на Благово, тот раскрыл папку, доложил:

— Сегодня в половине девятого утра на извозничьей бирже у Московского вокзала неизвестным был зарезан кунавинский мещанин Степан Петров Быткин. Злоумышленника задержать не удалось, он скрылся в пакгаузах. Причины убийства неизвестны, но перед самым покушением Быткин был уличен крестьянином Тумботинской волости Кислухиным в том, что в упряжке у него стоит кислухинская лошадь, похищенная у последнего десять дней назад. Горбатовский исправник телеграфом подтвердил конокрадство. И последнее: убийца, по всем признакам, из числа офеней.

— Офеней? — удивился Каргер. — При чем здесь коробейники? Какое отношение они могут иметь к конокрадству?

— Ну, сами-то они лошадей, разумеется, не крадут. Но замечены во множестве других, весьма серьезных, преступлений. Офени, господа, — несколько по-учительски продолжал Благово, — особое сословие, полуторговое-полупреступное. Оно тесно связано с уголовным миром, но стоит от него особняком. Представьте себе людей, которые постоянно перемещаются по углам нашей державы

со всяким мелким товаром. Торговля бойкая, но небольшая, поэтому офени не брезгают поживиться и воровством. Известны случаи ограбления ими путников, и даже с убийствами. Яды, которыми травят у нас в деревнях волков и постылых мужей, все добываются через офеней. Сбыт фальшивых банкнот мелкого номинала, а также оловянной монеты под видом серебряной — многолетний их промысел. Офени — очень закрытое сообщество, со своими обычаями и даже со своим языком, постороннему непонятным. Язык этот, между прочим, куда сложнее «байковой музыки» уголовных — в нем более тысячи слов. Имеются даже как бы внутренние наречия: галисовский, мотройский, ну и другие. Сами себя офени считают особым народом, жившим в IX веке, и называют себя «масыки». Настоящие офени происходят исключительно из четырех уездов Владимирской губернии: Ковровского, Вязниковского, Суздальского и отчасти Судогского. Они ощущают особую общность, как бы единую кровь (вохру, на их языке), и стоят друг за дружку горой. Лет тридцать назад у них явились подражатели — мелкие разносчики из Подольского и Серпуховского уездов; но это только имитаторы. Настоящие офени их презирают и частенько поколачивают. В 1700 году, согласно их собственной легенде, Петр Великий согнал их с их мест притеснениями. С той поры они ходят по всей России, причем начинают свои походы в начале осени, а домой возвращаются только к Масленице. Заметьте: осень — время окончания полевых работ. Лошади встают «на зимние квартиры», откуда их легче свести, чем в страду. Офени ходят везде и забредают даже в Австрию — конечно же, за контрабандой. В Привисленском крае им не дают хода евреям, за исключением нескольких белорусских местностей, дарованных ранее Екатериной князю Потемкину. (Там

сейчас проживают потомки первых коробейников, так называемые кричевцы.) В Подолии же офени, вкупе с малороссами, создали особые «коридоры» для беспошлинного ввоза товаров и доставляют много хлопот властям. Для нас все это важно потому, что агенты правительства практически не вхожи в кастовые тайны коробейников. Это, повторюсь, очень закрытое сословие, похлепце масонов. Если убийца Быткина из их числа, найти его будет чрезвычайно трудно.

— Воровство, контрабанда, фальшивые деньги — целый букет уголовных деяний, — капризно произнес Лукашевич. — Но ведь конокрадства-то нет?

— Нет, Василий Михайлович.

— Но вы, тем не менее, привязываете убийство извозчика... как его там?... к обнаружению у убитого краденной лошади. Правильно ли я вас понял?

— Я допускаю такую связь и считаю ее весьма возможной. Крестьянин, хозяин кобылы, сказал: режут концы. Чем не версия?

— Ну, так поручаю вам ее проработать, — важно изрек начальник сыскного отделения. — И вообще: до моего отъезда в Карлсбад убийца должен быть найден! Или вы занимаете не свое место. — При этих словах Лукашевич встал, одернул сюртук игривого канареечного цвета и обратился уже к полицмейстеру: — За сим прощайте, иду на обед к губернатору.

Когда дверь за ним закрылась, Благово вздохнул, а Каргер тихо выругался.

— Когда наш Васенька отбывает?

— Через три недели, Николай Густавович.

— Хгм... Время есть. Не сомневаюсь, Павел Афанасьевич, что вы, как всегда, раскроете преступление. И мы с вами отдохнем полгодика от этого прощельяги... До-

кладывайте мне ход следствия ежедневно; если нужна помощь — не стесняйтесь.

Благово молча откланялся и спустился к себе на второй этаж. Там его уже поджидал сыскной надзиратель Здобнов с пачкой каких-то бумаг; вид у него был озадаченный.

— Странное дело, ваше высокоблагородие. Наш Быткин оказался владельцем еще восемнадцати лошадей.

— Эко вывернуло! И где же весь этот табун?

— Розданы в пользование разным извозчикам, и Быткин ежемесячно получал за них плату. Вот, извольте почитать — я обнаружил книгу, которую он вел. Фамилия, адрес, кличка лошади, приход, долги... Все извозчики, как и покойный, родом из одного села Слопинец; получается, землячество.

Благово внимательно изучил поданные бумаги: написано полуграмотно, но аккуратно. Месячный доход кунавинского мещанина выходил более ста рублей!

— Таким образом, убитый был подпольным извозпромышленником, — констатировал коллежский асессор. — А патента не брал...

— Для патента надобно капитал показать, а он этого, очевидно, не желал.

— Как думаете, Иван Иваныч, откуда у него деньги на покупку двух десятков лошадей?

— Надо полагать, все его лошади, как и кислухинская, ворованные. Быткин был маклаком крупной шайки конокрадов, помогал сбывать. В их ремесле это самое трудное...

— Весьма разумное предположение. Тогда и убийство разъясняется: рубили концы по крупному делу. Не об одной покраже речь, а о целой преступной организации. Тумботинский мужик-то прав оказался. Роль офени, од-

нако, по-прежнему непонятна. А что говорит участковый пристав?

— Да ничего толкового. Пугает, недоговаривает и, похоже, врет. Думаю, Быткин держал его на довольствии, чтобы темными делами спокойнее заниматься.

— Понятно. И ничего не докажешь... А соседи?

— Так ведь Кунавино! Или татары — те ничего не скажут; у них на все один ответ: «не знай». Или наши пьяницы, те, сами знаете, полицию на дух не переносят. Но есть на углу лавочник, трезвый и умный, отставной унтер Михаил Архипов, вот он кое-что сообщил. Покойный, по его словам, был человек мутный и на руку нечистый. Лошадей менял едва ли не каждую неделю: покатается чуток и куда-то сбывает, а себе новую ставит. Работою себя не утруждал, а деньги имел немалые. Двор у него огромный, крытый, с конюшней аж на шесть стойл, и постоянно там была толкотня. Какие-то люди приезжали с грузами, уезжали, иные оставались по нескольку дней. Фуража всегда закупал много. Жил один, с матерью только. Старая карга не хотела мне бумаги отдавать — насилу отнял! Самое любопытное: по словам Архипова, быткинские гости часто заходили к нему в лавку, и многие из них были скрыпинцы, а попадались и офени.

Благово стукнул себя по колену, вскочил и в волнении принялся ходить по кабинету. Здобнов следил за ним понимающим взглядом. Наконец коллежский асессор остановился перед старым сыщиком.

— Вы понимаете, Иван Иванович, что это все разъясняет?

— Как не понимать. В один ряд выстраивается.

Село Скрыпино стоит на старом Сибирском тракте, утратившем свое значение после строительства в 1862 году железной дороги между Москвой и Нижним

Новгородом. Находится оно в самом отдаленном юго-восточном углу губернии и окружено несколькими деревнями: Княжуха, Ратманово, Посыпаевка, Ямское, Чуварлей, Шамарино... В Скрыпино и прилегающих деревнях проживает более тысячи коновалов, которые занимаются своим промыслом по всей почти империи, от Сибири до Москвы и Кавказа. Западнее Москвы они не попадают, там свои эскулапы. Как и офени, скрыпинские коновалы составляют закрытую касту, членство в которой передается из поколения в поколение. Репутация у коновалов нехорошая: молва обвиняет их в махинациях с самым дорогим, что есть у русского мужика, — с лошадьми.

Скрыпинцы ходят от деревни к деревне и холостят жеребцов, быков и боровов¹, а также занимаются лечением вообще любой скотины. Ремесло их отчасти ритуальное, для крестьянина почти мистическое; как и кузнецы, коновалы от века считаются колдунами. Подобно офеням, скрыпинцы имеют свой тайный язык, непонятный постороннему. В центральных и поволжских губерниях они вытеснили всех других коновалов и создают сильную конкуренцию дипломированным ветеринарам. Спайка между скрыпинцами железная, и в этом они схожи с самым отъявленным на Руси преступным сообществом — конокрадами. В народе поговаривают — и, видимо, небезосновательно — о стачке тех и других в деле хищения лошадей. Часто-де вскоре после ухода скрыпинца пропадает лучшая лошадь. Еще говорят, что «скотские лекари» могут сделать здорового жеребца вдруг больным, а потом предлагают продать его побыстрее, чтобы выручить за него хоть что-то... Нередко они еще и лошадиные барышники: карманы у них набиты купчими с уже про-

---

¹ Холощение широко практиковалось для получения добродушного рабочего животного.

ставленными печатями волостных старшин. Скрыпинцы, как и положено коновалам, оставляют в деревнях в залог известные суммы с тем, чтобы на следующий год снова явиться с предложением своих услуг. Монопольное их положение добыто двухсотлетними, если не более, трудами; это-то и заставляет мужика, несмотря на дурную репутацию, иметь дело с этой кастой. Опять же и мужик попадаетея разный... Ну, а про полицию Сергачского уезда и говорить нечего: она давно у скрыпинцев с руки ест и покрывает все их проделки. Тамошний исправник один из самых богатых людей в губернии. Если Благово, к примеру, вздумает приехать в Скрыпино со следствием, исправник и близко не подпустит губернского чиновника к тайнам преступного села.

— Да, Иван Иваныч, ну и компания у нас подобралась: офени, скрыпинцы и конокрады. Обычная для сыщиков ситуация: все знаем, дело за пустяком — доказать! Какие мысли на этот счет?

— Хм... Перво-наперво по кабакам надо бы потолкаться, особенно там, где собираются извозчики. Осведомителей настропать, чтоб землю носом рыли. Конокрадов, которые в остроге сидят, пощипать или посадить к ним агента.

— А как вы полагаете, Быткин единственный был в городе подпольный извозопромышленник?

— А ведь неплохая мысль, Павел Афанасьевич, — с уважением произнес Здобнов. — Поискать? Приметы те же: лошадей часто меняет, фуража много берет, имеет большой двор... Околоточных нужно опросить.

— Вот это правильно. А еще хорошо бы найти человека, который смог бы разведать эти дела своими путями.

— Вот тут уже не совсем понимаю, — развел руками сыскной надзиратель.

— Допустим, кто-то приехал в Нижний. К примеру, из Москвы. Темный такой человек... Деньги имеет, но показать их не хочет; вот и разыскивает, куда без шума поместить капитал. А поскольку он чужой здесь, то ходит, осторожно интересуется, не пылит.

— Разрешите мне, Павел Афанасьевич! — вскричал Здобнов и тут же осекся.

— Вот-вот. Сам все понимаешь. Какой из тебя приезжий? Тут нужен свежий кто-то, кого в городе не знают. И такой, кажется, есть.

Лифляндец Яан Титус прибыл в Нижний три недели назад на должность начальника стола розыска. До этого он служил в московской сыскной полиции, где прошел путь от простого агента до заведующего ломбардным отрядом¹, рекомендации от обер-полицмейстера имел самые хорошие.

Титус понравился Благово сразу: спокойный, наблюдательный, очень артистичный. Последнее выяснилось быстро, поскольку службу свою новичок начал с изучения города. Переодетый и загримированный, Яан преобразился. Он создал типаж жуликоватого приказчика, лишившегося места и ищущего теперь, где бы чего прикарманить. В таком виде сыщик облазил все самые страшные притоны Гребешка и Гордеевки, завел приятелей в Грабиловке, подрался на Миллиошке. Подворотни, проходные дворы, подпольные кабаки-шланбои, воровские хазы и дома блатер-каинов² он заносил в особый журнал. Скоро Титус уже хорошо знал «карман России», оставаясь при этом неизвестным уголовному элементу города.

---

¹ Ломбардный отряд в составе сыскного отделения занимался поиском похищенных вещей.

² Блатер-каины – скупщики краденого (*жарг.*).

Благово решил сделать ставку именно на этого человека. Яан сразу понял новую роль и подошел к ней очень тщательно. Он перекрасил свои русые волосы в тускло-рыжий цвет, мастерски нарисовал веснушки на лице и руках, франтовато завил небольшие усики и обзавелся большим флаконом фабриолина. Ему выдали паспорт почетного гражданина города Москвы на подлинное имя и поселили сначала в номерах Зефириной на Ошаре. Хуже обстояло с деньгами: чтобы играть ловчилу с капиталами, нужно было иметь некоторые средства. В смете управления полиции подобные расходы не предусматривались. Благово подумал-подумал и отправился к вице-губернатору Всеволожскому.

Андрей Никитич Всеволожский сделался нижегородским вице-губернатором только в феврале и имел пока скромный чин надворного советника. Ранее он состоял чиновником особых поручений при министре внутренних дел, до того долго служил на Кавказе. По должности именно Всеволожский наблюдал деятельность полиции, но у Павла Афанасьевича имелись и иные соображения. Во-первых, вице-губернатор был умнее и деятельнее Кутайсова и многие вопросы решал с ходу, используя свои связи в столице. Во-вторых, он являлся одним из богатейших людей в России. В Петербургской, Московской и Пермской губерниях Всеволожскому принадлежало в общей сложности более полумиллиона десятин земли; имел он и золотые прииски, железоделательные заводы, доходные дома, пай в банках. Этот сказочно богатый человек тем не менее служил — разумеется, не из жалования. Андрей Никитич считал, что управлять страной должны люди образованные, ответственные и бескорыстные. Поскольку сам он был как раз из таких, то и не считал себя вправе уклоняться от государевой службы.

Всеволожский уже знал об убийстве и не удивился приходу сыщика. Благово сжато изложил вице-губернатору все, что удалось выяснить, высказал свои соображения и описал, как собирается ловить злодея. Узнав, что в убийстве, видимо, замешана целая преступная организация, занимающаяся конокрадством с большим размахом, Всеволожский пришел в волнение. Как человек государственный, он умел обобщать явления и смотрел на все под этим именно углом.

— Необходимо не только найти непосредственного убийцу, но и разрушить всю организацию, ежели она действительно существует. Тут дело чрезвычайной важности! Скорая война с Турцией неизбежна; ждать не более года. Россия к ней, как водится, не готова. Одной из важнейших составляющих военной силы государства является его конный потенциал. Здесь и кавалерия, и часть артиллерии, и гужевые потребности войска, с учетом неизбежной убыли от боевых действий. Военный министр Милютин хорошо это понимает, почему и ввел военно-конскую повинность и военно-конскую перепись. Как вы знаете, в уездах с января сего года созданы особые участки, подчиняющиеся губернскому по воинской повинности присутствию. Их задача — учет и предмобилизационная работа по конскому составу. Так эти мерзавцы сорвут нам мобилизацию! Опять же покража лошади у мужика лишает страну производительного работника и вселяет в народ неверие в дееспособность власти. Нельзя этого допустить! Не случайно дела о конокрадстве еще по указу Николая Павловича рассматриваются нашими судами вне очереди. Восемнадцать лошадей у одного мазурика... А сколько же их вообще свели?

— Хорошо бы послать запрос в Департамент общих дел министерства: пусть дадут справку по приволжским губерниям за три последних года.

— Запрос я завтра же телеграфирую, да еще со своей стороны постараюсь поторопить. Ваше решение о легендировании губернского секретаря Титуса я одобряю. Вот вам полторы тысячи рублей для него на первое время; понадобится еще — только скажите.

— Андрей Никитич, может возникнуть потребность показать значительные средства. До тридцати тысяч.

— Тридцать тысяч! — ахнул вице-губернатор.

— Я дам вам расписку.

— Какую еще расписку! — рассердился Всеволожский. — Как будто вы эти деньги для себя берете... Процентные бумаги подойдут?

— Подойдут.

Вице-губернатор вздохнул и полез в тумбу письменного стола.

Вечером того же дня произошло еще два события, связанных с расследованием убийства на Московском вокзале.

Вернувшись от Всеволожского, Благово снарядил было курьера в Макарьевскую часть за Здобновым. Он хотел, чтобы тот привез лавочника Архипова. Столь толкового человека, непьющего и наблюдательного, следовало принять заштатным агентом полиции или, проще говоря, осведомителем. Но Иван Иванович неожиданно приехал сам и привез отставного унтера с собой.

— Ваше высокоблагородие, — доложил он, — господин Архипов выяснил важные сведения по известному вам делу и сообщил мне. Я счел своим долгом доставить его сюда для личного свидания с вами.

Торговец, оказавшийся рослым красивым мужчиной, по-военному четко доложил следующее:

— Сегодня поутру ко мне в лавку зашел неизвестный, и при нем подмастерье из красильни Каширина. Красильня находится в Пирожковской улице, через два дома от зарезанного Быткина. Они промеж себя о чем-то говорили, и я вдруг слышу: подмастерье сказал, что Быткин, мол, знал того человека, который его зарезал. До того я их совсем не понимал, потому говорили они на чудном каком-то, тарабарском, позвольте сказать, языке. А тут вдруг — по-нашему... Незнакомец-то еще сказал... Слова-то чудные какие, но я запомнил кой-что, слово в слово... Вот как он сказал: «капенить по лауде и пустить вохру, ежели юсы не отдаст, шонда хрустов»¹. Вот. Прямо ума не приложу, что это такое, по-китайски разве... А когда мужик, мол, за узду схватился и кричать принялся, тот-де, офеня который, отошел сперва, но недалеко, стоял и слушал. При виде же городского подобрался к Быткину и словно бы прижался к нему на миг. Тот охнул, обернулся через плечо и говорит: «Гаврила, ты чеве?» — да и повалился на спину, а изо рта у него кровавая пена пошла. А парень-то боком-боком — и ходу. Молодой, кудрявый, и левое ухо у него снизу разорвано. Вот.

— Стало быть, убийцу зовут Гаврила, и он имеет особую приметку — рваное левое ухо?

— Так точно!

— А подмастерье как кличут?

— Имя ему Леонид, а фамилию не спрашивал. У Каширина числится.

— Молодец, Архипов. Спасибо за помощь следствию. Сядьте и напишите все, что мне сейчас рассказали. И кста-

---

¹ Капенить по лауде — дать по голове; вохра — кровь; юсы — деньги; шонда хрустов — шесть рублей (*жаргон офеней*).

ти — не хотите ли поступить к нам заштатным агентом? За порядком в Кунавине приглядывать и нам сообщать. Два пятьдесят помесячная оплата, а за важные сведения вроде сегодняшних — отдельные наградные, до семи рублей.

— Деньги нелишние, ваше высокоблагородие, но... мне бы от околоточного защиту какую получить. Это бы лучше. Мзду вымогает, замучил совсем. Не дал я ему на Пасху, так он санитарного инспектора прислал, грозит лавку мою закрыть. А у меня в лавке чистота и порядок, ваше высокоблагородие! Это он со злобы...

— Как фамилия околоточного?

— Махоркин, ваше высокоблагородие.

— Разберусь я с твоим Махоркиным. Садись и пиши заявление о поступлении на заштатную службу, тогда тебе сам частный пристав будет не брат.

Радостный Архипов отправился писать, а в кабинет зашел агент 1-го разряда Форосков, малый умный и расторопный. Он вел за собой парня с бесхитростным крестьянским лицом.

— Ваше высокоблагородие. Жалоба поступила, и любопытная такая жалоба, имея в виду тот случай на вокзале. Прикажете доложить?

— Пусть сам расскажет. Что стряслось?

— Так что, вашебродие, в извозчики нас не пуцают.

— Кого это «нас»?

— Нас. Мы крестьяне деревни Караваихи. И задума-ли, значит, патент приобрести. На извозчика. А оне нас не пуцают.

— Вас — это тебя?

— Ага. Вот. Четвертый уж раз мы туды ходим, а писарь и старшина цеха отказывают. Мы знаем, что надоть.

Лошадь, упряжь, коляску. Мы все это им представили. Ан нет!

— Может, ты под следствием состоял или недоимки имеешь?

— Нигде мы не состояли, и ничего за нами не числится, — гордо заявил парень. — А вымогают оне, чтобы я лошадь свою отдал взад — у соседа я ее арендовал — и взял другую. У Рубочкина. А зачем ее отдавать? Хорошая лошадь. А у Рубочкина купить стоит восемьдесят рублей или аренда три рубля в неделю. В ярмонку шесть. А у соседа рупь двадцать круглый год!

— Кто таков этот Рубочкин?

— Постоялый двор содержит. На Гребешке. Он за всегда у них при управе трется! И нам себя навяливает... Второго дня так прямо и говорит: «Ежели ты у меня лошадь не купишь, патента тебе не видать, сыч навозный». Вот! Так, выходит, стачка это, вашебродие. Чтобы деньгу из нас доить. Да. Вот.

— Теперь понятно. Форосков! Одень общеполлицейский мундир и сходи-ка в ремесленную управу. Составь протокол и подготовь жалобу городскому голове. Но веди себя формально, пока этих орлов сильно-то не пугай. А за догадливость хвалю. Рубочкин этот может очень нам пригодиться...

Про извозопромышленника навели справки, и выяснилось, что прошлое у него весьма темное. Смолоду промышлял «карманной выгрузкой», потом воровал свинец с крыш; дважды сидел под следствием. Оба раза был оставлен в сильном подозрении, без приговора. Умный и хитрый. Последние годы вел как будто бы благонамеренный образ жизни, записался в купцы, исправлял законный извозный промысел. А теперь вот, похоже, оказался замешан в такое дело...

Итак, в Нижнем Новгороде появился новый человек. Ян Францевич Титус — рыжий лифляндец с хитрыми, неприятными, бегающими глазами и лицом продувной бестии. Голос вкрадчивый. Видно, что тертый и при деньгах, но род занятий неопределенный — типический грюндер¹. То ли банк разорил, то ли опеку разграбил, но что-то в этом роде... Поселился приезжий в Третьей Ямской улице, неподалеку от Крестовоздвиженского монастыря. И уже через день свел знакомство с владельцем постоялого двора Саввой Провичем Рубочкиным: зашел пообедать (при дворе был буфет), да и разговорился. Несколько дней кряду лифляндец столовался у нового знакомого, много болтал ни о чем, ходил кругами вокруг да около. Рубочкин чувствовал: готовит рыжий какой-то разговор, примеривается. И действительно, в субботу, встретившись у Николы на Гребешке, пришли они позавтракать и сели в отдельном кабинете. Титус велел подать мадеры. Выпили, и он завел такую речь:

— Я, Савва Прович, ежели помните, приехал к вам из Москвы. Прожил там четыре года, сменил несколько занятий, но вот пришлось уехать. Обстоятельства, знаете ли... Человек я деловой, сложа руки сидеть не люблю. Хочу с праздной жизнью покончить и опять к делам вернуться. Только вот города я вашего не знаю и людей тоже; нужен мне советчик, а может, и компаньон.

— Хгм... Понятные мне ваши слова, Иван Францевич. Сразу видать, что вы человек серьезный, не краснобай. Но чтобы вам совет подать, надобно знать род ваших прежних занятий: к чему склонность и навык имеете, каким капиталом располагаете. А иначе что я могу ска-

---

¹ Изначально грюндер — это биржевый маклер, но участие таковых в многочисленных финансовых махинациях сделали это слово нарицательным, оно стало обозначать просто мошенника.

зять? Вон, есть хорошее, доходное дело — кругляк возить из Семенова в безлесые южные уезды. Там, как говорится, хворостины не найдешь скотину со двора согнать; осенью за дрова любые деньги взять можно. Надо ли вам это?

— Нет, Савва Прович, дровяное дело не по мне. Сколько там заработаешь? Меня привлекают те промыслы, где прибыль побольше. Последнее мое дело — скупка в Первопрестольной серебряной монеты. Вот это бакшиш! Там главное — кассира иметь знакомого. Размениваешь у него будто бы ассигнации на серебро, а потом сбываешь втридорога.

— В Германию возили?

— И в Германию, и в Англию. Мы, русские, известные дураки: у нас на монету идет металл такой пробы, что иностранцы вдвое больше начеканят. Да и курс на русские ассигнации на Берлинской бирже такой, что, ничего не делая, можно хорошо заработать. Потому при переводе бумажек в металл и обратно есть лазейки для оборотистого человека. Так что торговал я... деньгами. До сорока пяти процентов годовых выгонял! Три кассира на меня работали. Еще бы годика два так-то, и можно было бы на покой уходить. Но не успел. Власти спохватились, что серебро за рубеж уходит, и гонения начались. Так всегда перед войной бывает. Когда Крым громили, то же наблюдалось; сейчас с турками войны ждут, и опять строгости... Пришлось не только лавочку прикрыть, но и вообще из Москвы спастись. Кассиры мои сейчас под следствием, а меня, не побоюсь сказать, голыми руками не возьмешь.

— Ну, это видно. А капиталом каким, позвольте узнать, располагаете? Предприятие, значит, чтоб начать...

— Тысяч двадцать, а то и двадцать пять я бы в хорошее дело вложил. — Рубочкин долго молчал.

Раздумывал, наблюдал за Титусом. Потом кликнул пологого, спросил две рюмки коньяку. Мужчины степенно выпили.

— Двадцать пять тысяч очень хороший капитал, Иван Францевич. Вот только показать-то вы его сможете?

— В том-то вся и беда, Савва Прович. При моих обстоятельствах... Нет, не могу. Может быть, через годок-другой, но не сейчас. Но деньги должны делать деньги! Не могу же я год сидеть без дела. Думаю ссудную кассу открыть. Сорок пять процентов не выгонишь, но все больше, чем доходные бумаги обещают. Вам случайно не нужно?

— Мне нет. И вообще я бы отсоветовал в рост отдавать — в чужом городе и прогореть можно. А в полицию вам соваться интересно мало; и как будете долги возвращать?

— Ну, на то есть особые люди.

— Их еще найти надо. А как вам, к примеру, извозный промысел? Купить лошадок, раздать я помогу — да и собирать себе прибыль. А?

— Подумать надо. Какой там процент выходит?

— Пятиалтынный на рубль, а в ярмарку и того больше.

— Ну, ярмарка ваша только два месяца, а в остальное время это тихий городок из неважнецких. Куда я лошадей зимой дену? А наличные людям круглый год нужны.

— Зря сомневаетесь, Иван Францевич. Вы со мной откровенно, и я с вами так же. Скажу прямо: я в этом деле уж третий год. Сейчас у меня под девяносто лошадей, а скоро будет все сто. По бумагам это нигде не числится, сборов я никаких не плачу, всю прибыль кладу в карман.

— То есть можно как-то исхитриться и не брать патента?..

— Истинно так.

— А много ли, простите, доходу?

— До шести тысяч в год.

— Хорошие деньги! Но... надобны ли в Нижнем еще извозчики?

— Не о Нижнем речь. В Батусю бы пролезть, как ее наши друзья прозывают¹. Мы бы там так развернулись! Есть ведь у вас там знакомства?

— Экие вы вещи говорите, Савва Прович! Знакомства-то есть, да не ко времени это сейчас. Я оттуда едва ноги унес, а вы опять меня туда посылаете. И потом: деньги мои, знакомства мои. А ваш взнос какой?

— Мои будут лошади. Много, хорошие и недорого. Их вообще можно будет в рассрочку брать. Ставите задаток, а остальное в течение года; а кобылки уж работают, копейчку несут.

— О-о... Вот это уже другой разговор! Ежели одним задатком обойтись да сотенки две-три лошадок эдаким макарон завести, то профит уже достойный. Найдется ли у вас триста лошадей в течение года?

— У меня их найдется пять тысяч.

В комнате повисло гробовое молчание. Титус машинально налил себе мадеры, так же машинально выпил. Потом откинулся на спинку стула и принялся внимательно, будто только что увидел, разглядывать собеседника.

— Так... И все с купчими?

— Все.

— Но... не из донских степей?

— Нет, поближе будут. Если уж мы с вами такое дело обдумываем, то я вам как родному. Лошади все хорошие, здоровые, много и рысаков, но надобно их из поволжских губерний удалить. В Москву, Петербург, Киев...

— По пять тысяч в год? Гарантируете?

---

¹ Батуся – Москва (*офенск.*).

— Покуда меньше, но только оттого, что трудно сбывать. Ежели мы с вами вдвоем решим эту загвоздку, то по тридцати тысяч в год можно заработать. На каждого.

В глазах лифляндца полыхнула алчность. Он задумался, что-то прикидывая.

— Стало быть, у вас организация. Сколько же нужно людей, чтобы укр... доставить эдакую прорву лошадей?

— До ста наводчиков — это всегда офени. Пятьдесят коновалов — спрятать на первое время, перековать, поменять приметы и нарисовать купчие. Ну, и две сотни самых главных людей, которые ночью ворота ломают.

— Сколько же вы губерний так накрыли? Четыре?

— Шесть.

— Основательно. Но уж больно опасно. Столько человек в деле — кто-нибудь да проболтается. Накроют всех, а мне еще и старое припомнят!

— Бог не выдаст, свинья не съест. У нас несколько конных заводов и есть главная станция. Документы всегда в порядке. Полиция на довольствии; в случае чего, сразу предупредят. Но здесь, в поволжских губерниях, нам уже тесно. Надо идти в столицы.

Титус молчал, раздумывал. Потом поднял глаза на собеседника, умные, жадные.

— Не надо вам ни в какую Москву. Даже там пять тысяч голов не продать. А надобно вам — в армейский ремонт!¹

— Это мы давно пытаем, да все никак. Вот ежели вы поспособствуете?

— Слушайте меня внимательно, Савва Прович, — с жаром проговорил Титус. — Военную службу я проходил пи-

---

¹ Ремонт — пополнение выбывшего конского состава по свободным ценам, в отличие от поставок на основе военно-конской повинности.

сарем в 12-й кавалерийской дивизии. Там такие дела делались! И сейчас делаются. Вы знаете, к примеру, сколько лошадей потребляет один полк?

— Нет, я не служил-с.

— Примерно восемьсот строевых, тридцать пять вьючных и до восьмидесяти упряжных и гужевых. А сколько в российской армии таких полков?

— ?

— 14 гвардейских и 46 армейских. Я не беру казаков и прочую нерегулярную конницу — те снабжаются строевым конским составом сами. А указанные мною части получают лошадей от Военного министерства. Занимаются этим полковые ремонтеры — верховыми лошадьми, и Главное интендантское управление — остальными. Так вот: мой прежний начальник по 12-й дивизии стоит в самом центре этой системы. Сейчас он в военно-окружном управлении¹ Варшавского военного округа, в мобилизационном отделении, начальником подотдела живого инвентаря. Знаете, что это означает?

— Не очень.

— А вы вообще пытались с ремонтерами наладить контакты? Имеете о них представление?

— Да продал как-то пяток лошадок. Приезжали какие-то ребята...

— То были именно ребята. Настоящие армейские ремонтеры — гвардию не берем, — это такие прожженные бестии, что к ним на кривой козе не подъедешь! Каста похлеще розенкрейцеров. Они все друг друга в лицо знают и работать стараются токмо по рекомендациям. Кто туда один раз попал — король. Иные до ста тыщ в год службы сколачивают.

— Сто тыщ!

---

¹ Военно-окружное управление — штаб военного округа.

— Истинный крест! Пьют они, конечно, ведрами, но разума не теряют — нельзя! Сами понимаете, какая у них служба: огромные деньги на руках, море соблазнов — легко и угореть. Потому ремонтеры объединяются как бы в клуб. В случае чего помогают друг другу наличностью к ревизии, заказы делят по-братски, нужных человечков по эстафете передают. От которых взять не опасно... От кого попало не берут-с! Ох и тертый народ... Так вот: прежний мой начальник, о коем я уже упоминал, у них в большом почете. Он среди ремонтеров вроде как предводитель дворянства; потому должность у князя такая.

— И у вас князь?

— Да. Я уж тоже как на духу... Это подполковник князь Порюс-Визапурский, Антон Львович. Сумской гусар. Командует над всеми ремонтерами Варшавского военного округа. А сила его в том, что в Военном министерстве у него дружки сидят. Полковники, майоры: обычные на вид офицеры, только богатые, как крезы. Они, когда что-то покупают от казны, часть выданных сумм себе обратно забирают. Вроде комиссии — за то, что именно у тебя купили. Ежели эти господа тебя не знают — ни за что не купят, потому — опасно. Вдруг ты в полицию побежишь? Поставку берут только у проверенных, которым их условия известны и которые непременно все до полушки потом в конверте принесут. Князь Порюс-Визапурский умеет таких людей находить, что очень устраивает господ интендантов; он — проверенный посредник. Князь помнит меня, как мы с ним в 12-й дивизии вместе копейку чеканили. Если заинтересуем его вашим предложением, считайте, дело сделано. Все пять тысяч ваших кобылок уйдут со свистом, и это можно будет делать ежегодно!

Титус говорил вполголоса, очень убедительно, и тенорок его даже подрагивал от предвкушения грядущих

доходов. Незаметно для себя он облизывал губы и подшмыгивал носом, елозил под столом ногами и вообще выглядел целиком поглощенным новой идеей. Рубочкин тоже загорелся и записал на бумажке замысловатую фамилию князя-ремонтёра.

— Только, Савва Прович, у меня два условия, — строго заявил лифляндец.

— Слушаю вас со вниманием.

— Первое, это то, что я тоже в доле должен быть. Непременно! Пять процентов — это моя цена. Без меня вы, извините, не то что к князю — к заурядному ремонтёру на порог не ступите: каста! А с «ребятами» лучше не связываться.

— Ага. Это я, видите ли, должен с главным обсудить. А какое второе?

— Оно как раз с вашим главным и связано. Прежде чем князя тревожить, я должен с предводителем вашего дела познакомиться и обстоятельно все обсудить. Князь Порюс-Визапурский — мой главный в жизни лотерейный билет. Я давно ищу, как бы мне под его крыло вернуться... С пустыми руками приходиться нельзя; обратиться к нему, сами понимаете, я могу лишь один раз. Ежели дело окажется, извините, липовым, я уж больше никогда не смогу рассчитывать на благосклонное внимание его сиятельства. Ваше предложение, Савва Прович, кажется серьёзным и, так сказать, по калибру князю. Ежели оно выгорит, мы с вами себя на всю жизнь обеспечим. Но я должен убедиться! Пока что есть только ваши слова, этого мало. Я должен увидеть все ваше дело: главную станцию и человека, который всем заправляет. Иначе никак: не будет вашего согласия — не будет и моего участия.

— Понимаю вас, уважаемый Иван Францевич. Поймите и вы меня — не я команду. Я доведу ваше условие до...

и тот уж сам будет решать. С вашей стороны мы тоже ведь покуда слышим одни слова. Ежели ваша встреча с нашим головой состоится, думаю, следующей должна быть моя встреча с вашим князем. И коли все сладится, тогда и начинаем вместе дело варить.

— Разумно и толково. А чтобы нам с вами в Варшаву не кататься, вот мое предложение. В газетах написано: государь наконец утвердил бюджетную роспись на второе полугодие. Значит, князь через неделю сам приедет в Петербург: в Военном министерстве будут деньги делить. Там всех сразу и увидите.

— У нас, извольте видеть, верховых-то лошадок немного, а больше эти... как вы их там назвали?

— Вьючные, упряжные и гужевые.

— Вот-вот. Значит, нам полковые ремонтеры не так важны, а нужнее-то интенданты — так я вас понял, Иван Францевич?

— Ежели строевых коней мало, князь их сам пристроит в Варшавском округе. А прочие сорта это уже дело интендантское, тут надо в Военное министерство залезать. К тем людям, о которых я говорил. Князь, говоря я вам, тамошние двери ногой открывает. Так что ежели успеете меня на этой неделе с вашим головой свести и мы друг другу глянемся, то на следующей уже поедем к Антону Львовичу.

Когда Благово пришел к Всеволожскому, тот стоял потрясенный у окна и читал какую-то бумагу. Увидел сыщика и замахал ею:

— Пришел ответ из министерства. Как вы думаете, сколько лошадей умыкнули в прошлом годе в поволжских губерниях, считая Казанскую?

— Где-то четыре тысячи восемьсот.

— Но откуда вы знаете, Павел Афанасьевич? — опешил вице-губернатор. — Действительно, именно столько. Из них разыскано четырнадцать. Как вы узнали?

— Мы вышли, как я и обещал, на след этой организации. Титус вступил в переговоры с их, так сказать, представителем в Нижнем Новгороде, неким Рубочкиным. Сейчас готовится встреча Яана с их вожаком. У них есть, как они ее называют, главная станция, именно там они укрывают ворованных лошадей. И держат там до продажи... Где она, мы пока не знаем. Титус поедет туда оценить предприятие и устроит затем ответную встречу с главным ремонтником Варшавского военного округа.

— Что еще за ремонтер?

— Подполковник князь Порюс-Визапурский.

— И что, он станет нам подыгрывать? Как мы его в это вовлечем?

— Роль князя сыграю я. В действительности такого человека не существует, мы его просто выдумали.

— А почему именно князь, да еще с такой странной фамилией?

— Для правдоподобия. Эти люди невысокого мнения о нас. Они полагают, что никому в полиции не придет в голову присвоить для легенды вместо Иванова фамилию единственного в России индийского княжеского рода. Большинство в империи даже не подозревает, что таковой вообще существует.

— Да, и я в их числе. Неужто у нас есть индийские князья?

— Только эти. Старинная династия раджей города Биджапур. Изгнана англичанами в XVII веке, перекочевала в Россию. В 1826 году указом Николая Павловича утверждена в княжеском достоинстве Российской империи. Малоизвестные, захудалые, но сиятельства — как раз то,

что нужно. Один Визапур даже встречался с Наполеоном в Москве, в двенадцатом году. Застрял случайно, не успел выехать и пытался придать себе лишнее значение... Предложил себя в посредники императорам! Были и еще чудаки. Последний Визапур умер десять лет назад, и род пресекался, так что мы ничьих чувств не заденем.

— Но вы же совершенно не похожи на индуса!

— Пушкин тоже на арапа не слишком походил. Перекрашу волосы в смоль и чуть затемню кожу — и того довольно.

— Вашу легенду непременно попытаются проверить. И в первую очередь среди конезаводчиков: поставляли ли они конский состав в Варшавский военный округ? Есть ли там такой князь-ремонтёр?

— Я и это предусмотрел. Если в Военном министерстве меня поддержат — а Милютин человек умный, — то варшавский конец легенды мы поручим им. Что же касается конезаводчиков, то я связался по телеграфу с сыскной полицией Новочеркаска. Именно в Войске Донском находится большая часть российских заводов. Я попросил коллег подготовить двух-трех авторитетных людей. Из числа тех, кто занимается поставками лошадей и готов при этом негласно помочь полиции. При попытке навести справку о князе Порюсе конезаводчики подтвердят наличие такового офицера и укажут на его высокое служебное положение.

— Павел Афанасьевич. Скажите как на духу: эта роль опасна для вас?

— В Петербурге — нет; там я встречусь только с Рубочкиным, да и Титус будет всегда под рукой. А вот когда поеду на главную станцию, то окажусь целиком во власти этих людей. И они будут меня всячески проверять.

— Нельзя ли этого избежать?

— Нельзя, Андрей Никитич. Предприятие у них огромное, охватывает шесть губерний. Выстроено сложнейший механизм. Представляете: пять тысяч лошадей в год! Это значит, ежедневно они сводят до пятнадцати голов. А их мало украсть, нужно куда-то переправить, спрятать, нарисовать фальшивую купчую. Возможно, переменить приметы. Кормить, поить, а потом продать так, чтобы полиция не разнохала. Увязать в одну цепочку офеней, скрыпинских коновалов, конокрадов, извозопромышленников; наверняка замешаны и некоторые конезаводчики. Человек, который все это придумал и создал, — гений. И мы ловим именно его. Не поймает, он отлежится, затаится на год-два — и снова закрутит что-то подобное. А из этого кабинета нам его не поймать. Оцените масштаб дела. Пять тысяч лошадей даются им даром, а сбывают воры их рублей за сто — сто двадцать. Кони у них только хорошие — плохих не берут, стоят они дороже, но им приходится делать скидку, чтоб быстрее продать. Значит, годовой доход шайки составляет примерно полмиллиона рублей. Теперь расходы. Пятерку (вряд ли больше) офене-наводчику, рублей пятнадцать коновалу, и больше всех тем, кто непосредственно рискует — конокрадам. Думаю, им достается рублей по пятьдесят с каждой лошади. Общий расход, таким образом, составляет семьдесят рублей с головы. Накинем еще червонец: на прогон лошади до главной станции или иного укрытия, на фураж, пока не найден покупатель, и тому подобные вещи. Вроде подкупа полиции... Итого чистый доход хозяина дела — двадцать рублей с головы, или сто тысяч рублей.

— Сто тысяч! — ахнул вице-губернатор. — У нас и Бугровы столько не выручают!

— Пора приструнить этого гения. У него в этом замысле одна ахиллесова пята.

— Сбыт?

— Сбыт. Куда деть с выгодой такую уйму лошадей? Вот не успели они вовремя отогнать кислухинскую кобылку и чуть было не погорели. А я предложил им такую наживку, что не смогут они утерпеть не попробовать ее на зуб. В Польше и Подолии располагаются основные части нашей кавалерии — более пятидесяти полков. Потребность в конском составе огромная. Не удержатся они от такого соблазна — разом решить проблему сбыта. Главарь выйдет из тени ради знакомства с князем Визапурским, тут-то мы его и возьмем.

— Для маскарада в столице вам понадобится помощь не только градоначальника, но и министерства.

— Даже двух: внутренних дел и военного. Надо будет предъявить Рубочкину нескольких офицеров: от интендантского управления и от управления казачьих войск. Их роли исполнят служащие петербургской сыскной полиции, но спектакль будет игратья отчасти в служебных помещениях этих ведомств. Разрешение на это может дать только военный министр. Кроме того, мне придется перемещаться по столице в мундире подполковника. Там, конечно, у каждого фонарного столба по штабс-офицеру, но Милотина придется поставить в известность и об этом.

— Я возьму эти проблемы на себя. Что еще можно или нужно сделать, Павел Афанасьевич?

— Имеются две зацепки. Если главная станция находится в Нижегородской губернии, можно попытаться обнаружить ее загодя, чтобы лучше подготовиться к штурму. Отличительные приметы: большой конный двор, лошади постоянно меняются. Крупные закупки фуража. Расположен в укромном месте. Много работников, но все отличаются скрытностью, чужих не жалуют. Водопой побли-

зости. Большая потребность в ковочном материале. Это или конезавод, или гуртовое дело, или замаскировано под скотобойню. И скорее всего, станция где-то на юге, возможно, неподалеку от того же Скрыпина.

Вторая зацепка — это скорее догадка. Когда Титус впервые упомянул Порюс-Визапурского, Рубочкин проговорился: «И у вас князь?» Возможно, их главарь тоже носит титул, и я даже догадываюсь, кто бы это мог быть.

— Павел Афанасьевич, мы непременно должны уничтожить эту гидру. Вы понимаете, какой ущерб они наносят государству? Крестьянские лошади у нас слабосильные: тяжелой работы много, а всю зиму они питаются одной соломой. Правительство пытается улучшить породу, для чего в провинции создаются случные пункты, куда на известное время помещается жеребец с государственного завода. Так эти негодяи изымают самых хороших! Ведь дело только представляется мелочью. Подумаешь, скажут: в России двадцать миллионов лошадей, что такое пять тысяч? А когда поймешь, что изымается элита, которую в нашей деревне и так по пальцам перечесть, тогда уже возникает понимание. Мы с вами, как верные государевы слуги и люди с пониманием, должны наизнанку вывернуться, но этого «гения» прикрыть. Иначе он испортит нам и армию, и деревню!

Через два дня после разговора Рубочкин пришел к Титусу на квартиру. Ян увидел его в окно и успел усесться за стол с толстой пачкой банкнот, которые с сосредоточенным видом принялся пересчитывать и записывать цифры в тетрадь. Расчет оправдался: увидев деньги, извозопромышленник долго не мог оторвать от них глаз и не сразу вспомнил, зачем явился. Титус понял, что

на жадности этого человека можно играть любую мелодию...

— Наследство получили, Иван Францевич?

— Эх, Савва Прович! Таким, как мы с вами, всего приходится добиваться самим. А это так, чтобы со скуки не пропасть: в рост отдаю помаленьку.

— Под какой процент, позвольте полюбопытствовать...

— Двадцать.

— И что, есть желающие? Поосторожнее бы... Вы человек приезжий, цену здешнему люду не знаете. А ну как не вернут?

— У меня не забалуешь. Вот (похлопал по столешнице) закладная на землю и недвижимость по улице Телячьей. Семь десятин-с. Залог-с! И долговая расписка. Нет, не забалуешь.

— Сразу видать делового-то человека, — пробормотал Рубочкин. — Ну, ладно; я ведь по нашему прошлому разговору пришел. Собирайтесь — поедем знакомиться с головой, как просили.

— И в вас сразу видать человека слова, — похвалил гостя Титус. — Сей же час и соберусь. Ехать далеко ли?

— Коли к полудню выберемся из города, то завтра ввечеру обернемся. Заночуем на станции, заодно и осмотрите.

— Тогда заедем сперва в Николаевский банк, оставлю там на хранение деньги и бумаги. Коляска при вас?

— Уже заложена, дожидается на постоялом дворе.

— Заезжайте за мной через три четверти часа, я куда соберусь.

Так Титус отправился в опасное путешествие. Сначала они спустились вниз по Волге до Лыскова, откуда свернули на юг и через Княгинино к пяти часам прибыли

в Сергач. По пути дважды меняли лошадей, а заодно пили на станциях водку и закусывали холодной осетриной с хреном. Настроение Саввы Провича после второй остановки приподнялось. Он принялся заново расспрашивать Титуса, сколько выучных лошадей положено офицерам в линейном полку и сколько санитарных повозок состоит в обозе первого разряда.

В Сергаче начались неожиданности. Их встретили два угрюмых мужика и пересадили в закрытую коляску с наглухо занавешенными окнами. Один угрюмец уселся на облучок, а второй забрался внутрь и следил, чтобы гость не отдергивал занавесок. Когда же одна из них на ухабе сама отклонилась, обнаружилось, что стекла кареты снаружи забелены.

Так они катили куда-то дотемна, всю дорогу молча и даже без остановок. Титус был невозмутим. Уже в двенадцатом часу ночи, когда спать хотелось больше, чем есть, прибыли на место. Въехали в какой-то плохо освещенный двор, выгрузились и прошли в дом, пропахший конским потом и навозом. Угрюмые мужики сдали гостей шустрому румяному дедку в домотканой рубахе и портах, седому, опрятному, чем-то похожему на старообрядца. Тот, ласково воркуя, но не спуская с Титуса глаз, постелил им в чистой горнице. Дал умыться, угостил остывшей телятиной и ушел, пожелав доброй ночи.

Титус, утомленный дорогой, скоро уснул. Утром его разбудил Рубочкин, уже одетый и прибранный, и повел завтракать.

Главная станция оказалась большим помещьем с конным заводом. Вдалеке на горе стоял барский дом — белый, с колоннами и двумя флигелями по бокам. Еще дальше виднелось селение с пятикупольным храмом красного кирпича, крытым зеленой жезью. Крестьянские избы гу-

сто обрамляли пруд и тянулись в четыре порядка в сторону широкого тракта. Перебрав приметы, подготовленные ему в управлении полиции, Ян понял, куда его привезли и к кому. Подозрения Благово подтвердились...

Они шли к главному дому по большому огороженному пространству, разделенному на несколько отдельных, значительных по размеру загонов. В трех из них плотно стояли лошади, особо паслись кобылы с жеребьятами. В самом малом отсеке разгуливали пять или шесть отборных разномастных жеребцов отличных статей. С десятков конюшен окаймляли завод изнутри; дымилась кузня, сновали телеги с кулями овса, слышалось непрерывное ржание.

К Титусу приставили парня лет двадцати пяти — кудрявого, плечистого, с шалыми глазами. Мочка левого уха у него была снизу надорвана. Хорошего чичерона мне нашли, подумал про себя Ян, одним ударом человека убил и скрылся, ловкая шельма... Видимо, после случившегося Гаврилу решили спрятать подальше.

Так втроем они приближались к усадьбе. Рубочкин показывал и рассказывал:

— Вот здесь у нас штучные скакуны. Обратите внимание на того, мухортой¹ масти. Чемпион! Кличка ему — Абрек. Прыти необыкновенной, три года в Казани все призы брал. Теперь его торгует один адыгейский князь. Цена Абреку — четыре тысячи.

— А какова средняя цена лошади?

— Плохих тут нет ни одной, берем только справных. Цена обычной хорошей лошади примерно сто двадцать рублей.

— Людей где находите, таких, чтобы не болтали?

— Работники тут двух сортов. Одни — местные, из ближних деревень. Предупреждены; пока случаев

---

¹ Мухортый — гнедой с желтоватыми подпалинами.

не было. Их дело, так сказать, крестьянское: напоить, выскоблить, навоз подобрать. Для других дел, где нужна сноровка особого рода, — нанимаем. Вот, вроде нашего Гаврилы. Берем беспаспортных, поселяем, кормим-поим и деньгами не обижаем.

— Поди, и беглые есть?

— Мы об этом не спрашиваем, — сухо ответил Рубочкин.

— А я ведь, Савва Прович, не из любопытства интересуюсь, — обиделся Титус. — Большое дело обдумываем, здесь мелочей нет-с. Полиция беспокоит?

— Местная нет. От урядника до исправника все на коште состоят. А если губернская вздумает явиться, мы про то завсегда наперед узнаем.

— А вдруг облава? Тайная, через голову исправника.

— Здесь, Иван Францевич, облаву сделать не можно. Все устроено так, что мы в любом случае будем предупреждены. Как — не скажу, но на сей счет не извольте беспокоиться.

Через четверть часа они входили в главный дом. Их вежливо приветствовал управляющий — высокий седобородый старик с выразительным лицом, явно один из главных здесь людей. По его приказу лакей провел Титуса с Рубочкиным в просторную залу и усадил в дорогие кресла супротив письменного стола, а сам занял позицию за спиной у гостя. Прошло несколько минут, дверь наконец отворилась, и появился осанистый, в бакенбардах, офицерского вида человек с лицом несколько помятым, но благородным. Он важно кивнул сидящим, сел за стол и молча уставился на Титуса. Тот тоже молчал, потом недоуменно посмотрел на своего соседа, но извозопромышленник отвел глаза.

— Ну, — заговорил наконец хозяин, — это вы готовы свести нас с ремонтерами линейной кавалерии?

— Савва Прович, — обратился гость к Рубочкину, совершенно отвернувшись от стола, — мы же договорились, что встречаемся с первым лицом.

— Первое лицо перед вами, Иван Францевич.

— Да? Ну так я сейчас встану и уеду. А вы потом д-о-олго будете искать пароль к кавалеристам...

«Хозяин» смешался, оглянулся на дверь. Она открылась снова, и вошел новый человек: среднего роста, среднего возраста и среднего сложения. А вот глаза у него были не средние: пронзительные, необыкновенно умные, они словно бы видели собеседника насквозь. При этом — смуглое, скуластое лицо с сильной примесью татарской крови. Кивком головы вошедший выгнал из-за стола своего двойника, сел на его место и полуулыбнулся Титусу.

— Приносить извинений не стану. Называйте меня Сергеем Сергеевичем.

— Как вам угодно, князь.

Главарь вопросительно посмотрел на Рубочкина. Тот вскочил и развел руками:

— Ни единым словом!

— Была одна обмолвка, и мне ее хватило, — усмехнулся Титус. — Вы князь Мамин, Сергей Сергеевич. Конезаводчик, хотя завод ваш мало известен. А нахожусь я в вашем имении в селе Чуварлей.

— Bravo! — вяло хлопнул в ладоши Мамин. — Вам удалось меня удивить, господин Титус, а это случается не часто.

— И в мыслях не имел фразировать вас, князь. Но и вы войдите в мое положение. Не могу же я объявить Порюс-Визапурскому, что договаривался о большом деле с неведомым Сергеем Сергеевичем, коего даже фами-

лии не знаю. Такая беседа не может иметь желательного для нас с вами продолжения. Посему пришлось навести справки.

— Что ж, готов согласиться. Теперь моя очередь вас удивлять. Гаврила!

Вошел офеня с рваным ухом и вручил конезаводчику какую-то газетную вырезку.

— Узнаете?

Титус вскочил, лицо его побагровело, глаза почернели от злости.

— Вы... посмели залезть в мой шкаф?!

Это была вырезка из «Московских ведомостей». В статье рассказывалось о разоблачении шайки мошенников, вывозивших огромными партиями российскую серебряную монету за рубеж. Упоминались фамилии трех арестованных кассиров. И отмечалось также, что предполагаемый главарь шайки, названный инициалами Я. Ф. Т., успел скрыться. Буквы были подчеркнуты карандашом, а саму вырезку Титус перед отъездом сдал в Николаевский городской банк.

— Да не волнуйтесь вы так, Ян Францевич. Деньги ваши, все двадцать восемь тысяч сто сорок рублей, преимущественно в доходных бумагах (хорошие, кстати, бумаги!), целы. И находятся в личном вашем банковском шкафу. Возвращаю вам и статейку. Так, обычная проверка.

Титус постоял, подумал, затем сел и посмотрел на Мамина хоть и с досадой, но почти спокойно. Вырезку он сложил и сунул в карман сюртука. Идея со статьей принадлежала Благово. В Москве действительно шел процесс над мошенниками, вывозившими из государства монету. Главарем шайки был некий Яков Федотович Трофимов, находящийся сейчас в бегах. Полное совпадение иници-

алов и натолкнуло сыщика на мысль, оказавшуюся столь полезной.

— Итак, князь, — хладнокровно произнес гость, — довольно состязаться, кто кого удивит. Перейдемте к делу. Я свое место знаю: я всего лишь посредник. Но очень важный посредник — без меня вам не выйти на варшавских ремонтеров. Там такая шайка, и уже столько лет... Держатся только за счет осторожности, а я для них человек свой. Поэтому мое условие — пять процентов. В конце концов, вы просто вставите их в отпускную цену. Это же армия — она все съест!

— Возможно. Что вы готовы предложить нам со своей стороны?

— Подполковника князя Порюс-Визапурского, начальника отделения живого инвентаря военно-окружного управления Варшавского военного округа. Комплектация кавалерии, конной артиллерии, а также гужевых потребностей всего округа — включая пехотные части, крепостные команды и саперные батальоны, — все в его ведении. Кроме того, князь может свести вас, если, конечно, захочет, с Киевским и Одесским округами — там у него всюду приятели. Самое же главное — его знакомства в Главном интендантском управлении Военного министерства. У вас ведь лошади по большей части не верховые, а рабочие, не так ли? А это уж не полковые ремонтеры, а министерство.

— Хгм... Сколько он за это потребует?

— Об этом, полагаю, следует спросить самого князя. Его сиятельство очень расчетлив и уже основательно богат. Предполагаю, что за поставки в свой округ он потребует не менее трети, в прочие же округа — от пяти до семи процентов.

— Согласится ли он прибыть сюда для переговоров со мною?

— Не уверен. Ремонтеры — люди балованные, привыкли, что приезжают к ним.

— Это исключено: я никогда и никуда отсюда не выезжаю.

— Странные условия... Это может стать препятствием делу. Князь — человек военный. Хотя... командировка на конезавод вполне может вписываться в его служебные обязанности. Не знаю. Могу лишь обещать, что сделаю все, что в моих силах, чтобы убедить его приехать.

— Постарайтесь же, иначе останетесь без комиссионных. Господин Рубочкин поедет с вами в Петербург, посмотрит на вашего князя. Он что, и вправду индус? Индус-ремонтер, ха! И если Савве все понравится, а подполковник не прочь будет прогуляться в провинцию, привозите его сюда, в Чуварлей. И только когда мы между грушей и сыром¹ ударим по рукам, только тогда вы получите свои пять процентов. Договорились? Тогда пожалуйста завтракать.

Благово приехал в Петербург страшно взвинченный. Предстояло условиться с тремя инстанциями, затем надеть чужую личину и сыграть трудную роль перед опасным и умным противником. Чувство охотника, идущего с рогатиной на медведя: конечно, я его... но всякое может быть.

Сначала коллежский асессор пришел на Офицерскую, 26, где встретился с начальником столичной сыскной полиции Иваном Дмитриевичем Путилиным. Выдающиеся способности этого человека дополнялись изрядной

---

¹ Французское выражение, обозначающее «в конце обеда» (о деловой договоренности, достигнутой за столом).

долей хохлацкой хитрецы, даже самый говор его был чуточку малороссийским. Путилин принял незнакомого ему нижегородского коллегу сразу же, внимательно выслушал и понял все с полуслова. Без проволочек он вызвал трех подходящих по фактуре агентов и поручил им включиться в игру. Воцинин и Шереметьевский должны были сыграть офицеров двух Главных управлений Военного министерства — интендантского и нерегулярных войск. Ицка Рабинович, вкрадчивый и пронирыливый, представлял тип польского еврея-фактора, без которого любые поставки в Привисленский край давно уже сделались невозможны.

Окрыленный их беседой, Благово поехал на следующую встречу — с главой Особой канцелярии министра внутренних дел Маковым. Канцелярия помещалась на Почтамте.

Лев Саввич Маков оказался стройным моложавым красавцем с роскошными кавалерийскими усами и лихо-начальственным взором. Мундирный фрак с орденом Белого Орла и знаком Пажеского корпуса сидел на нем, точно гусарский доломан. Года на два лишь старше Благово, а уже тайный советник. Как люди делают такую карьеру? Столичная молва в скором времени прочила Макову пост товарища министра, а со временем, возможно, и сам министерский портфель. Александр Егорович Тимашев уже десять лет возглавлял министерство внутренних дел, и, как говорили, государь начал подумывать о замене.

Маков без интереса выслушал доклад Благово об обнаружении большой организации конокрадов, о совершенном ими убийстве и о необходимости проведения в столице полицейской операции. Павел Афанасьевич закончил рапорт просьбой оказать содействие при пере-

говорах с Военным министерством. До приезда Рубочкина оставалось всего два дня.

— А что, убийца извозчика перебрался в Петербург? — огорошил сыщика сановник неожиданным вопросом.

— Нет, он скрывается в селе Чуварлей на юго-востоке нашей губернии. Мы готовим штурм этого места и арест преступника, как только выясним все связи упомятой мною организации.

— Какие еще связи, господин Благово? Езжайте-ка в свой Чуварлей, или как там его, и арестуйте убийцу. Я встречался вчера с вашим губернатором графом Кутайсовым и показывал ему вашу телеграмму. Павел Ипполитович прямо сказал, что не видит никакой необходимости в этих маскарадах, тем более с привлечением зачем-то еще и Военного министерства.

— Расследование веду я, а не губернатор. У его превосходительства нет возможности вникать во все детали. Вице-губернатор Всеволожский всецело поддерживает мой план.

Маков начал выказывать признаки раздражения.

— Ну, у этого миллионщика всегда только ветер в голове. Граф же Кутайсов опирался на мнение коллежского советника Лукашевича. Это ведь, кажется, ваш непосредственный начальник? У него, вы полагаете, тоже «нет возможности вникать в детали»?

— У него, простите, нет желания это делать. Разрешите просить приема у министра! Расследуемое преступление относится к разряду особо важных. Под угрозой интересы государства.

Маков нахмурился и встал.

— Да вы просто либрпансер какой-то!¹ Не забывайте, господин коллежский асессор! Видимо, мне самому

---

¹ Либрпансер – вольнодумец.

придется напомнить вам о субординации. Езжайте немедленно домой и арестуйте убийцу извозчика. А фантазии с рязеными оставьте писакам! И никаких походов в Военное министерство — не смешите народ. Вы свободны!

Благово вышел от начальства раздосадованный. И такие люди руководят самым важным в стране ведомством! Империю ждут ужасные испытания: грядет война с турками, усиливается революционное брожение. Что-то с нами будет при таких-то администраторах? Но коллежскому ассессору было уже не двадцать лет, служба его никогда не была легкой, и он полагал это в порядке вещей. Остыв и немного поразмыслив, он решил действовать самостоятельно.

Первым делом сыщик отправился в Департамент полиции, на Фонтанку, 57, и послал оттуда телеграмму Всеволожскому: «Оказался не понят Маковым встрече сотрудниками Военного министерства отказано иду Милютину через голову начальства Благово».

Затем, надев парадный мундир, шляпу с плюмажем, нацепив шпагу и все ордена, Павел Афанасьевич отправился на Адмиралтейский проспект, 12. В приемной военного министра былолюдно, но как-то по-особенному четко и деловито. Посетители заходили в кабинет строго по часам, очередь уменьшалась на глазах без суеты и задержек.

Адъютант Милютина, заметив чиновника из министерства внутренних дел, поинтересовался, по какому он делу. Благово представился и попросил встречи с помощником министра. Вскоре он сидел в кабинете полковника Кунцевича и излагал ему суть своего дела.

У Павла Афанасьевича Благово была одна особенность. Когда он впервые начинал разговор с незнакомым, но умным человеком, очень скоро тот проникался к со-

беседнику уважением и внимательно вслушивался в его слова. Кунцевич слушал коллежского асессора не более пяти минут. Поняв, что есть преступники, которые составляют опасность конно-мобилизационным планам в поволжских губерниях, он прервал беседу и отправился с докладом к Милютину. Очень скоро воротился и сказал, что министр просит извинить, но сможет принять его не раньше, чем через сорок минут.

Ровно в указанное время Благово входил в кабинет генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Дмитрия Алексеевича Милютина. Шестидесятилетний, но весьма энергичный, очень умный и не по-военному обходительный человек, министр был внимателен и излучал доброжелательность. Благово подробно рассказал о деле, о размахе хищений, о своем плане уничтожить всю организацию и о том, как отнесся к его идее Маков. Выслушав сыщика и уточнив детали, Милютин сказал:

— Да, господин Благово. Бороться разом и с преступниками, и с недальновидностью собственного начальства трудно. Я всегда подозревал, что у Льва Саввича ум не на первом месте, но так... Как был уланским ротмистром, так и остался; а ведь скоро сделается министром! Со своей стороны обещаю вам всемерную поддержку. Запрет на сотрудничество с нами может отменить только Тимашев, но за это я вам ручаюсь. Завтра утром у меня высочайший доклад. Полагаю, что после этого министерство внутренних дел одобрит ваш план, что называется, всеми фибрами души. Поручаю вас полковнику Кунцевичу — как мой помощник, он обладает всеми необходимыми полномочиями. И еще, господин Благово. Если вам прискучит преодолевать субординационные препятствия в вашем ведомстве, не угодно ли перейти ко мне? У нас совершенно не развита противоразведочная служба. Два

офицера в Азиатском департаменте Главного штаба и еще несколько в Военно-Ученом комитете — и все. А враги России не сидят без дела: австрийцы шпионят на Украине, англичане возбуждают против нас Туркестан, на Кавказе мутят воду османы... Очень нужен человек, умеющий выслеживать, ловить, да еще и думать при этом. Именно такой, как вы. Что скажете? Обещаю: через два года получите чин полковника.

— Ваше высокопревосходительство... Благодарю за лестную оценку. Но настоящая служба везде трудна, если нести ее на совесть.

— Это верно.

— Потому — бог с ними со всеми... Я ведь не им служу, а... Вынужден отказаться. У меня еще не закончено много дел в Нижнем.

— Жаль! Тогда пожелаю вам успехов. Но повторю: помните, вы всегда можете рассчитывать на мою поддержку.

Вечером на следующий день в кабинете директора Департамента полиции Косаговского состоялось совещание. Помимо хозяина кабинета, присутствовали Путилин со своими тремя агентами, Кунцевич и Благово с приехавшим Титусом. Все были опытни в своем деле и понимали друг друга с полуслова. Павел Павлович Косаговский уже десятый год руководил департаментом, объяснять ему необходимость тщательного расследования вместо торопливого ареста одного убийцы было излишне.

Договорились, что Вощинин будет изображать полковника Адальера из Главного интендантского управления, а Шереметьевский — майора Петрово-Соловово из управления нерегулярных войск. Это были известные среди конезаводчиков офицеры, много лет занимавшиеся поставками конского состава в армию. Решено было

даже заgrimировать сыщиков на тот случай, если Рубочкину сообщены приметы интендантов. Еще несколько агентов предназначались для исполнения второстепенных ролей — швейцаров, вестовых и т. п. Кунцевич обязался к утру доставить из обмундировальной мастерской всю необходимую амуницию, в том числе и гусарский мундир для Благово. Во избежание недоразумений решили, что Павел Афанасьевич будет говорить, что он прикомандирован к Сумскому полку. В окружное управление Варшавского военного округа была послана телеграмма: на любые попытки навести справку о князе Порюс-Визапурском отвечать сообразно легенде. В Военно-Ученом комитете для Благово сфабриковали форменный служебный билет¹ и командировочное предписание.

Кунцевич взял на себя также подготовку обоих ведомств своего министерства, куда завтра поведут Рубочкина: интендантского и казачьего. Нужно было выставить там нижегородского сыщика влиятельным завсегдаем.

Дружный ход совещания был прерван появлением курьера от министра внутренних дел: Тимашев срочно требовал Благово к себе. Кунцевич ехидно улыбнулся.

— Получил Егорка, да с тыльной стороны. Наш старик слов на ветер не бросает!

— Не знаете вы наших порядков, полковник, — неодобрительно покачал головой умудренный жизнью Путилин. — Не стало бы Павлу Афанасьевичу хуже...

— Я с вами, — нахмурился Косаговский. — Операция необходима и может принести успех, будем отстаивать ее вместе.

---

¹ Служебный билет — удостоверение личности офицера российской армии.

Поднялись на третий этаж. Директор Департамента полиции остался ждать в приемной; Благово не без волнения вошел в огромный кабинет министра.

Тимашев, в парадном генерал-адъютантском мундире и александровской ленте (только что с высочайшего доклада), встретил его стоя. У окна Благово заметил Макова со злой гримасой на физиономии.

— Вы встречались вчера с военным министром? — не здороваясь, поинтересовался Тимашев.

— Да, ваше высокопревосходительство.

— Я же вам запретил! — взвизгнул от окна Маков. — Вы посмели нарушить мой приказ?!

Министр повернулся к директору своей Особой канцелярии.

— Его Императорское Величество расценили ваше препятствие следствию как серьезную служебную оплошность. Мне велено передать вам августейшее неудовольствие. Без занесения в формуляр...

Тайный советник побагровел и прикусил ус.

— Я отменяю ваш запрет. Министерство внутренних дел берет дело по обезвреживанию шайки конокрадов под свой контроль. Вам, господин коллежский асессор, будет оказана всемерная поддержка. Присядем. Расскажите-ка все в подробностях.

— Позвольте пригласить из приемной Павла Павловича Косаговского. Он совместно со мной готовит петербургскую часть операции.

— Так, значит, мое ведомство не самоустранилось! — обрадовался Тимашев. — Завтра же доложу государю об этом запиской. Нет, сегодня!

Директор Департамента полиции и нижегородский сыщик посвятили министра в подробности готовящегося маскарада. Далее Павел Афанасьевич уже в одиночку

рассказал, что собирается посетить Чуварлей под именем Порюс-Визапурского. Познакомиться с князем Маминым, ударить с ним по рукам, а заодно изучить систему охраны, определить численность шайки, обдумать детали штурма. И потом появиться в разбойничьем гнезде уже во главе полицейского отряда.

Тимашев одобрил все предложения Благово и распорядился при необходимости лично адресоваться к министру. Затем помялся и спросил:

— Государь сказал, что два человека одновременно известили его об... э-э... не совсем верной позиции моего министерства. Один из них — генерал-адъютант Милютин. А кто же второй?

— Не знаю, ваше высокопревосходительство. Вероятно, это следствие усилий вице-губернатора Всеволожского.

— Как странно. Еще два месяца назад он был моим чиновником особых поручений и хорошо знает мои хватку и быстрый ум. Почему же Всеволожский не дал мне знать, а обратился через мою голову?

Павел Афанасьевич промолчал, хотя знал ответ на вопрос генерала.

— Таким образом, вы всего-навсего коллежский асессор из провинции, чужой в столице человек, всего за сутки сумели дважды найти способ обратиться к государю. Не так ли?

— Исключительно для пользы дела, ваше высокопревосходительство.

— Конечно, конечно, все мы служим только ради этого. Благово... Я запомню вашу фамилию.

— Я тоже, — подал голос из угла Маков, и в голосе его прозвучала угроза.

До конца дня Павел Афанасьевич с путилинскими агентами и полковником Кунцевичем успели подготовить все необходимое для завтрашнего спектакля. Главное интендантское управление находилось в здании министерства, но имело отдельный вход с Вознесенского проспекта. Уже в десять часов пополудни сыщик зашел к Милютину. Известный труженик, тот все еще работал. Благово поблагодарил генерала за поддержку, рассказал, как идет подготовка к операции. Министр выслушал, протянул руку и бросил коротко:

— С Богом!

И снова уткнулся в бумаги.

Утром 17 мая Благово неспешно прогуливался по Адмиралтейскому скверу. Он был одет в яркий мундир 1-го Сумского гусарского полка: краповые шапка и чакчиры и синяя венгерка с гарусными шнурами. На шнурах — подполковничьи гамбы, на сабле аннинский темляк, вид погусарски лихой.

Павлу Афанасьевичу уже приходилось носить мундир в молодые годы. И хотя то был скромный сюртук лейтенанта флота, походка и привычки русского офицера у него сохранились. Более того, сыщик умело изображал «николаевскую» школу в выправке — выпускники Николаевского кавалерийского училища ходили все одинаковым манером. Благово тонко дзенькал шпорами, лениво козырял младшим по званию, игнорировал равных¹, ловко избежал какого-то престарелого артиллерийского генерала. Тут и появились те, кого он ожидал.

---

¹ В 1870-х годах в русской армии существовал неофициальный обычай, согласно которому равные в чинах офицеры отдают друг другу честь, только будучи лично знакомы.

— Разрешите представить, ваше сиятельство, — почтительно отрапортовал Титус. — Савва Провыч Рубочкин, нижегородский извозопромышленник. А также доверенное лицо князя Мамина.

— Князь Порюс-Визапурский, — Благово благосклонно махнул извозопромышленнику рукой в замшевой перчатке.

Втроем они вышли на набережную Невы и около получаса беседовали на тему ремонта. Рубочкин был насторожен и недоверчив, внимательно наблюдал повадки «князя», часто оглядывался вокруг. Из разговора скоро выяснилось, что он человек умный и по-звериному хитрый; сыщик внимательно подбирал каждое слово. Наконец решено было зайти в интендантское управление — выяснить планы закупок на текущий год, узнать цены и заручиться предварительной поддержкой друзей князя.

Едва Порюс зашел в шинельную, навстречу ему подобострастно бросился швейцар — бессрочноотпускной седовласый фельдфебель, весь в медалях.

— С приездом, ваше сиятельство! Давненько вас не было; мы уж соскучимшись. Дозвольте сабельку принять.

— Здорово, Тимофей, — благосклонно улыбнулся князь. — Все пыхтишь, старый гриб?

И сунул швейцару рубль.

— Премного благодарны, ваше сиятельство Антон Львович, завсегда-то вы нас балуете.

Двинулись дальше по коридору, и, пока шли, с гусаром приветливо поздоровались еще несколько человек — писари, офицеры и даже один моложавый генерал. Чувствовалось, что князь здесь свой, что ему рады и хорошо его знают. Без доклада зашли в большой кабинет с табличкой: «Начальник Отдела комплектации живым инвента-

рем полковник М. М. Аладьер». Толстенький, живой, как ртуть, хозяин кабинета радостно расцеловался с Порюсом, после чего тот представил ему своих спутников:

— Мишель! Мы по делу. Серьезному. Господина Титуса я хорошо знаю, а он рекомендует господина Рубочкина как делового и надежного человека.

Полковник без лишних слов прикрыл поплотнее дверь, внимательно взглянул на статских.

— Роспись до министерства дошла?

— Позавчера.

— Значит, у тебя теперь денег как грязи?

— Есть маленько. А что вы имеете предложить?

— Пять тысяч голов лошадей равными частями в течение года.

— Всего-то? В русской армии почти семьсот тысяч конского состава. Лошадь служит по восемь лет; каждый год ремонту подлежит примерно восемьдесят восемь тысяч единиц, и столько же вырывается из строя¹.

— Вот и славно; что такое наши пять тысяч?

— Но есть и другие цифры. Например, господа, знаете ли вы, сколько частных конных заводов в одной только в Европейской части России?

— ?

— 1820. А еще в Средней Азии 40. На Дону 83. В Польше более 20. Выбор огромен. Для чего же мне приобретать именно ваших лошадей?

— Для того, Мишель, — ласково взял Аладьера за плечико князь, — что мы вернем тебе десять процентов от полученных сумм. А другие возвращают только восемь. Под мое честное слово.

Полковник скупо улыбнулся и сменил тон.

---

¹ Вырание — выбраковка отслуживших свой срок лошадей (*ремонтёрский термин*).

— Каких сортов у вас товар?

Порюс-Визапурский вопросительно взглянул на Рубочкина, тот придвинулся.

— Строевых-то немного, всего около пятисот. По большей части донцы и орловцы, но есть и аргмаки, англо-арабы, кабардинцы и варварийцы. Далее, примерно сказать, тыщи полторы вьючных да три тысячи упряжных.

Аладьер откинулся на спинку стула, задумался. Рубочкин тем временем приглядывался к обстановке в кабинете интенданта. Большие фолианты по гиппологии¹, комплекты «Вестника конезаводства» за ближайшие годы на полках шкапов, море бумаг на рабочем столе, полная окурков пепельница.

Бесшумно раскрылась дверь, молодой корнет притащил еще целый ворох новых входящих отношений. Напомнил, что через час совещание у «самого», и удалился.

— Я уже обещался Яновскому и Стрелецкому заводам, что покупаю у них.

— Эка отговорился! Они тебе, что, всю потребность покроют? — усмехнулся князь.

— Кто же ваш поставщик?

— Конезавод князя Мамина в селении Чуварлей Нижегородской губернии Лукояновского уезда Теплостанской волости.

— Никогда о таком не слышал.

— Ну, так теперь довелось.

Аладьер еще раз внимательно осмотрел статских, с особой внимательностью задержавшись на Рубочкине. Тот сказал:

— Все исполним как надо, господин полковник.

— Вы пока погодите, любезный, — холодно осадил его интендант. — Я вас вижу впервые, и ваши слова ничего

---

¹ Гиппология — наука о лошадях (*устаревш.*).

для меня покуда не значат. А вот слово князя Порюс-Визапурского весит много. Потому как, ежели вы меня обманете, за вас придется заплатить ему. И он обязательно заплатит — князю в этот кабинет еще ходить и ходить. Учитывая, что Антон Львович дал за вас ручательство — будем считать, мы договорились.

Рубочкин и Титус едва заметно выдохнули, а князь даже не улыбнулся, он был спокоен и деловит.

— Расскажи господам подробности. Я встречаюсь с Маминим очень скоро — он захочет подробностей.

Аладьер вздохнул и полез в несгораемый шкаф. Вынул толстую папку с надписью «Весьма секретно», извлек из нее несколько листов с литографированным текстом.

— Мы, интенданты, упряжных лошадей называем подъемными, так записано в уставе. Подъемные лошади разделяются на собственно упряжных и на крупнорабочих, иначе именуемых тяжеловозами. Одно дело катать огнеприпасы или лазарет, и совсем другое — девятифунтовую батарейную пушку весом в сто тридцать пудов. Как представлены ваши лошади, господин Рубочкин?

— В подобном смысле — примерно поровну. По полторы тысячи тех и тех, туда-сюда сотню.

— Упряжные каких отродьев?

— В основном это вятки, господин полковник, включая казанок и обвинок. По двести — двести пятьдесят финок и эстонок.

— А тяжеловозы?

— Больше половины, конечно, битюги, но много арденов и першеронов, остальные суффолы и клейдесдали.

— Битюг нынче совсем измельчал... У вас как? Шесть вершков дадите?¹

---

¹ Имеется в виду 2 аршина 6 вершков, или 168,7 см (стандартный рост единственного русского тяжеловоза — битюга).